

Беседы о чистом искусстве с другом юности Полонским (слева) в конце 1880-х очень оживляли усадебные досуги Фета

ность отсутствия железной дороги. Транспортировка ржи возами делала ее сбыт на крупных российских рынках нерентабельным. Как писал Фет, осенью рожь «на месте» стоит 30 коп. пуд, в Москве — 40 коп., но довести ее до Москвы стоит 60 коп. пуд, то есть проще «ее сжечь». На самом деле Фет, конечно, ничего не жег. Положения «О питейном сборе» 1861 года и «О пошлинах на право торговли и других промыслов» 1863-го установили взамен прежней государственно-откупной системы свободный водочный рынок, и проблем со сбытом ржи прибавилось.

Ветеран кавалерии, Фет решил осуществить конверсию своих военных навыков и запустил проект конного завода. Дело было верное: хорошие рабочие лошади были в дефиците.

Вообще, Фет не упускал ни одной отрасли сельского хозяйства, которая могла бы принести прибыль или хотя бы обеспечить продовольствие семьи и наемных работников (которых хозяин должен был кормить все время найма, и отнюдь не хлебом и водой, а щами с мясом и т. п.). В хозяйстве Фета держали коров и овец, птицу, разводили пчел и рыбу в нововыкопанном пруду и т. д.

В результате уже первый полный год своего хозяйствования Фет закончил с операционной чистой прибылью, пусть и минимальной, 230 руб. Прямые инвестиции в инфраструктуру здесь, конечно, не учитываются. Через несколько лет текущая чистая прибыль от Степановки составляла уже 5–6 тыс. руб. в год.

Выход из проекта

Обустривая Степановку, Фет проявил изрядное девелоперское чутье. В какой-то момент у него появилась возможность расширить площадь участка, купив земли сельхозназначения, но Фет делать этого не стал. Как сам он позже вспоминал, большие имения в то время были неликвидны, на них сложно было найти покупателя. А Фет с самого начала понимал, что Степановка рано или поздно будет продана: как ни обустривай «хутор», сколько ни копай прудов и ледников, на родовое имение, приличное порядочному русскому поэту, этот новодел не потянет. Нужно будет покупать что-то с вековыми аллеями и анфиладами. В 1877 году подвернулся случай и продать, и купить.

В 1877 году фетовская Степановка представляла большую ценность для любого предприимчивого хозяина из

низших классов (для бывших управляющих, оборотистых мещан и даже разбогатевших крестьян), которых в то время развелось великое множество. Что покупал Фет в 1860 году? Хорошую пашню и дом без отделки под соломенной крышей. Что он выставил на продажу через 17 лет? Пашня осталась в превосходном состоянии, поля были должным образом удобрены и возделывались по трехпольной системе. Один клевер, сеянный на 40 десятинах, давал ежегодно 500 пудов сена на продажу, то есть почти 1 тыс. руб. чистой прибыли. Дом был крыт железной крышей и отделан вплоть до дубового паркета, не говоря о верандах, террасах, флигелях, а также гидроизолированном подвале. Большой ледник позволял держать мясные припасы и пить в июле холодное шампанское. Вокруг дома разросся сад. В 1862 году Тургенев иронизировал: «Фет выкопал пруд, который ушел, и насадил вокруг дома березки, которые не принялись». Березки, может, и не принялись, а вот итальянские тополя принялись и разрослись, Толстой врать не будет. А пруд — это вообще единственное, что осталось от Степановки до наших дней, зато каждый может убедиться: вода в нем есть. На дворе стояли не только амбары, овинны и сарай, укомплектованные молотилкой, конными граблями и всем необходимым для полевых работ инвентарем, но и богатые конюшни, практически — конезавод, где постоянно выращивались порядка 40 жеребят. Фет вложил в покупку и обустройство Степановки, по его собственным подсчетам, около 33 тыс. руб. К 1877 году эти расходы полностью окупились за счет чистой прибыли, приносимой степановским хозяйством. То есть чисто теоретически Фет мог продать Степановку за 1 руб. и остаться в плюсе.

К тому времени у Фета служил управляющим натурализованный швейцарец Александр Иванович Иост, и Фет поручил ему продать Степановку и подыскать заодно какое-нибудь старинное дворянское гнездо — уже не для спекуляций, а чтобы осесть в нем окончательно.

Иост нашел для Фета классическое старинное имение Воробьевку в Курской губернии. Воробьевка была прекрасна: барский дом на высоком берегу реки Тускарь, у дома — вековой парк в 18 десятин, за рекой — село с пашнями, одного леса в трех верстах от дома прилагалось 270 десятин. Помещики, не желавшие оседать на земле и вести

DIOMEDIA

ДОХОДЫ ОТ ОСНОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Как поэт Фет за всю жизнь практически ничего не заработал. На издание первого сборника стихов он потратил 300 руб., тираж не разошелся — как и все прочие тиражи всех его поэтических сборников. На краткие три года — после «мрачного семилетия» (1848–1855) и до начала общественного подъема, вызванного ожиданиями отмены крепостного права, — читающая публика заинтересовалась чистой лирикой, и стихи Фета были востребованы в журналах. Бесспорным лидером на рынке печатных СМИ был Некрасовский «Современник». Некрасов за стихи Фету платил неплохо — сначала по 15, а потом и по 25 руб. за стихотворение, — но публиковал их мало, например, за весь 1857 год было напечатано четыре текста, что дало 100 руб. Торговаться с Некрасовым было невозможно: он был издатель опытный и жесткий. Два десятилетия спустя Фет мог бы озолотиться, если бы его переводы римских поэтов были рекомендованы Министерством народного просвещения в качестве учебных пособий для гимназий. Фетовские буквалистские переводы очень бы пригодились изучающим латынь методом параллельного чтения. Но у Фета не было связей в министерстве, и многие тома его переводов дожили с неразрезанными страницами до наших дней.

хозяйство в новых экономических условиях, к этому времени уже так намалялись с обезлюдевшими вотчинами, что выставляли их на продажу по минимальным ценам, лишь бы, как выражался в то время о своем имении помещик-неудачник Салтыков-Щедрин, «покончить».

Точная цифра сделки по продаже Степановки неизвестна. Возможно, она содержится в каких-то забытых архивных документах, но ни один биограф Фета или комментатор его произведений ее не упоминает. Зато извест-

но, что продажа Степановки позволила Фету, не располагавшему сколько-нибудь значительной суммой наличных, потратить на покупку Воробьевки 105 тыс. руб. О том, что на новую усадьбу были потрачены деньги только от продажи старой, косвенно свидетельствует то, что Фет в письме Николаю Страхову писал о сделке: «Жена купила очаровательное имение». Так как Степановка покупалась в свое время исключительно на приданое Марии Петровны Боткиной, Фет, чрезвычайно щепетильный в денежных де-